

TN: 51488

Цена 15 цент.

ОКТАБРЬ И НОЯБРЬ 1922 Г.

№ 34 и 35.

ВОЛНА

ДУХ РАЗРУШАЮЩІЙ
-ДУХ СОЗИДАЮЩІЙ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ
АНАРХО-КОММУНИСТИЧЕСКИХ ГРУПП

Содержание:

О Чикагской Дrame.	
Письма о пережитом.	
Открытое письмо Ленину.	
Кто виноват?	
Социализм, Анархизм и Русская Революция.	
Правда о мужике-анарх. Махно и анар.-махновщ.	
Добавление к статье.	
Под черное знамя.	
Предупреждение.	
Отчеты.	
Заявление Ред. Коллегии.	

—000—

ОТЧЕТЫ.

Отчет Р. К. от 1-го Сентября до 1-го Ноя бря 1922 г.

ПРИХОД:			
За "В".			
Фр — ман	2.00	Стел — н	4.45
Грин — т	3.60	Тов. С-ч, День раб. печати	3.00
Н. Г — н	15.90	Роч — р	13.65
Мер — н	2.50	Ром	5.25
Анс — а	7.50	Ром "В. Г."	2.50
Лос А — с	0.75	Роч — р в фонд	10.00
Дет — т	17.75	Фил — фил	5.25
Бал — р	26.85	Бром — вил	1.50
Бр — т	5.40	Вел — ид	10.50
Стел — н	15.00	Вел — ид фонд	5.00
Вли — т	12.15	Интер. Фалс	3.00
Гам — к	7.50	С. Фр — по	10.00
Мас — т	1.20	Фед. Юж. Ам.	12.69
Нас — к	1.00	Ир — с Фалс	3.00
Тов. Гор-ч	3.00	Н. Бр — н	6.75
Тов. Дмит-в	4.50	Г — тон	9.00
Тов. Малах-ч		Итого за "В"	232.84

(Окончание на 32-й стр.)

О ЧИКАГСКОЙ ДРАМЕ.

Автономов.

В нынешнем году исполнилось 35 лет после того, как пали от рук палачей наши товарищи Парсон, Фингер, Энгель, Шлис и Линг. По существу в современном обществе традиция, такая годовщина празднуется особенно сильно: на могилы кладутся самые яркие венки, произносятся самые пышные речи... Но можем ли мы, рабочие, так праздновать? И должны ли? Пониманию нет. Завет наших товарищей заключается не в том, чтобы мы ежегодно носили цветы на их могилы, или ходили плакать туда; завет их — в осуществлении того идеала, к которому они стремились и за который жизнь свою отдали. Это они нам завещали, этим и должны мы их чтить. Но такое понимание почина не должно разумеется в обыденном смысле — оно слишком широко, оно не зависит от времени и места. Нам не нужно обязательно идти на могилы наших товарищей, для осуществления заветной их цели; также нам не нужно обязательно ждать для этого 11-го ноября... Каждый из нас, где бы он и когда бы он ни находился, может и должен, по мере своих сил и способностей, способствовать осуществлению этой цели. И поскольку он будет способствовать, поскольку он будет отдавать долг борцам, погибшим за правое дело. 11-го ноября мы можем возмем статистику доблестный подвиг наших товарищей — их героическую смерть с одной стороны, с другой — все те подлости и жестокости буржуазии, которые она применяет к рабочим вообще, а к анархистам в особенности. В этот день мы можем лишь подкрепить и вдохнуть в еще с большей силой возненавидеть того, кто не любит правды, кто своими жестокостями превышает все известные пределы.

По известным соображениям, в Чикагской Дrame, быть может и не покажется ничего неестественного: дело известное — скажут некоторые — борьба... Но, товарищи, борьба, даже классовая борьба, все же должна иметь известную последовательность, известное обоснование, скажем больше — известную мораль. В Чикагской же Дrame нет ни малейшей последовательности; это просто наглость обезумевших и поправивших не только элементарнейшие понятия человечности, но и ими же самими написанные законы. Это — не классовая борьба, товарищи; это — борьба против классовой борьбы. С этой точки зрения, убийство 11-го ноября 1887 года пять человек должны вызвать дух возмущения не только среди их единомышленников, но и среди всех у кого есть хоть капля совести и человечности, ибо подобными методами "борьбы" буржуазия глумится не только над известной идеей, но и над справедливостью вообще. Борьба и последовательность неразлучны.

Если мы станем на историческую точку зрения, за которую так цепко держатся все буржуазные толкователи, то ведь классовая борьба — явление логически-неизбежное. А раз она логически-неизбежна, — она не должна стесняться. И характерно здесь то, что буржуазия признает необходимость этому мнению, она первая только заглянуть в толстые Уложения буржуазных законов, чтобы убедиться, что профессиональные союзы, кассы взаимопомощи, стачки за улучшение положения и т. п. — явления вполне нормальные и дозволенные законом. Следовательно, если стачки считаются явлениями законными, то вполне естественно, что во время стачки интересы обеих тяжущихся сторон должны с одинаковой силой и заботой охраняться законом. Как неприкосновенность буржуаз-

"ВОЛНА"

ных фабрик, так и неприкосновенность голов рабочих — этой единственной их собственности — должна быть строго отражена. Этого требует самая обыкновенная логика, самое обыкновенное понимание закона.

А так ли это в действительности?...

Курьезное дело, товарищи: мы, анархисты, противозаконники логически в данном случае являемся как бы законниками, а буржуазия противозаконницей. Из истории стачек мы знаем, что буржуазия всегда первая нарушала — и продолжает нарушать — этот несчастный закон. Первая она нарушила его и в 1886 г. Она первая пустила в ход оружие 3-го мая, убив и калечив десятки рабочих. Даже если допустить (чего, конечно, никогда не может быть), что, действительно, брошенная 4-го мая бомба в ряды идущих к месту митинга полицейских — дело рук анархистов, то и тогда почин принадлежит буржуазии. Ведь стражины уже шли. А чего они шли? Ясное дело — избивать и убивать рабочих. Таким образом, если и нужно было кого либо повесить за чикагские беспорядки, то исходя из самих же буржуазных законов — повешенными должны были быть не Парсон, Энгель, Фишер, Линг и Шнис, а капиталисты предприниматели и их верные слуги — предводители полицейских банд, как первые разрушители порядка.

Это с юридической точки зрения. Как же с точки зрения естественной?

Следует заметить, что с появлением книги Дарвина — "Происхождение видов", буржуазия почувствовала за собой "научную" прочность, стойкость и фундаментальность. Опираясь на эту книгу, она упи прокужжала, доказывая свои грабительские замашки, как что то научное и вполне "естественное". Компетентнейшие и авторитетнейшие мужи науки, продавшись "золотому тельцу", усердно твердили — и продолжают твердить — что, как в естественном мире идет борьба за существование и выживание, так и в социальном мире должна происходить такая же борьба.

Не станем разбираться в том, насколько

основательно отождествлять биологические законы с социологическими... согласимся на минуту с этой теорией.

Итак согласно этой теории, в мире социальном, как и в мире естественном, борьба за существование и выживание должны происходить. Что же мы видим в действительности? В действительности мы видим, что, если только где нибудь назревает стачка, затрагивающая хоть сколько нибудь интересы буржуазии, последняя всеми мерами старается предотвратить таковую. А если стачка уже началась, буржуазия опять таки стремится к ее скорейшей ликвидации. Нам всем еще очень хорошо памятен "инджонпюн", изданный несколько месяцев тому назад американским министром юстиции Догерти против бастующих железнодорожников. А ведь этот "инджонпюн" не единственный в этом роде. Это так сказать, официальный, открытый и прямой противобастовочный акт, исходящий из сфер самого федерального правительства. А сколько есть косвенных, лавальных подобных актов, исходящих из сфер местных властей, или вовсе не санкционированных властью? Все это свидетельствует, что теория Дарвина выходит из буржуазной редакции слишком односторонней: буржуазия оспаривает необходимость борьбы лишь по отношению к себе, по отношению же к своим противникам она старательно выдвигает борьбу, подчеркивая, таким образом, в своей несправедливости. Ведь если допустить, что в обществе происходит постоянная мирная эксплуатация труда капиталом, то нельзя же утверждать, что побеждает законный капитал, является как результат его способности выживать и побеждать. Победа и выживание могут быть лишь там, где приходится преодолевать известное сопротивление, там же, где вместо сопротивления, парит покорное подчинение, о победе не может быть никаких слов. А буржуазия именно к такому состоянию общества и стремится: она хочет, чтобы рабочий класс спокойно и покорно гнул перед ней свою спину, а она, склываясь на теорию Дарвина, будет говорить, что это происходит потому, что

"ВОЛНА"

она выживает и побеждает... Противоречие теории Дарвина здесь слишком очевидно.

Таким образом, с обеих точек зрения — с юридической и естественной — чикагская забастовка (и вообще забастовки) 1886 г. ниспровергает буржуазному толкованию и оспариванию этих точек зрения. И все буржуазные репрессии в связи с этой забастовкой — не что иное, как мерзость и хамство.

Но это еще не все. Мы здесь констатировали забастовку лишь как факт, находящийся в процессе реализации. Констатированием же одного лишь факта вопрос далеко еще не исчерпывается. Для того чтобы определить вопрос, по возможности, точнее, необходимо уяснить не только факт, т. е. момент реализации, но и все те сложные причины, благодаря которым факт и мог стать фактом.

Какие же причины вызвали забастовку в 1886 году?

Нам кажется, что для этого была лишь одна причина — безработица. Думается, что даже буржуазия, как бы непоследовательна и связистственна она ни была, не может не согласиться с тем, что в 80-х годах прошлого столетия царил страшный промышленный кризис. О потрясающих размерах кризиса можно судить хотя бы по тому, что в одном лишь железнодорожном деле, за один лишь год, с 1882 по 1883, лишились работы свыше 500.000 человек. Но это в одной только индустрии и за один только год; каков же должен был быть результат, если обратиться внимание на все индустрии и на все 5-6 лет кризиса? Естественно, что пострадавшие, разорвавшиеся массы должны же были спастись от разнутанной пасти голода; должны же были искать выход из создавшегося положения... Выходов было только два: 1 — Социальная революция. Рабочие, по своему гедоразумению, избрали второй. Они требовали сокращения рабочих часов, надеясь, таким образом, дать возможность некоторым безработным получить работу. Логически тут буржуазия должна была неспончаемо быть благодарной рабочим; она должна была

пасть пред ним на колени и облобызывать своими распутными устами их стопы за то, что они, по своей наивности, вместо того, чтобы забрать в свои руки все то, что по правилам этики, морали и юриспруденции им принадлежит, потребовали лишь только реформ. К тому же, если буржуазия хоть мало-мальски компетентна в хозяйственных отношениях (а таковой она должна быть), то она должна была знать, что предъявленные рабочими требования, были насущнейшими и целесообразнейшими мерами для возрождения хозяйственного благосостояния. Кому, например, не известно, что с увеличением количества работающих людей (хотя бы работающих и небольшие часы), увеличивается и их покупательная сила? А это явный признак оздоровления промышленности. Нынешний американский промышленник Форд является живым примером, что всякий лишний доллар, затраченный предпринимателем на рабочих, возвращается в карман того же предпринимателя сторицею.

Но безработица тоже еще не исходная точка; она в свою очередь имеет причины, ее вызывающие. Каковы же эти последние? От кого они зависят?

Тут уже только идиот может утверждать, что причины, вызывающие безработицу зависят от рабочих. Всякий же хоть сколько нибудь здравомыслящий человек, даже если он враг рабочего класса, должен согласиться, что безработица всецело вызывается капиталистами. Капиталисты, ведя производство на хищнических началах, тем самым вносят в хозяйственную систему периодические промышленные кризисы, в результате которых и получается безработица со всеми ее последствиями. Некоторые защитники буржуазии уверяют, что эти периодически-повторяющиеся кризисы — нечто стихийное, фатальное, с чем не в силах бороться капиталисты, и от чего они терпят так же как и рабочие. Напротив! Стоит только несколько обратить внимание на улучшение условий рабочих (увеличение жалованья, увеличение числа работающих, сокращение рабочих часов и т. п.); стоит только несколько понизить цены на производимые

предметы, — иными словами говоря — стоит только несколько урезать жажду к наживе... по-купательная сила рабочих увеличится, а вместе с тем, увеличатся и их потребности; потребности на рынке, станут более доступными потребителю... и грозная сила кризисов укротится. А ведь все это в руках капиталистов.

Таким образом, если мы начнем искать исходную точку, то неизбежно придем к заключению, что вина за Чикагские события 1888 года всецело падает на буржуазию. Она, вследствие своей бездонной алчности, создала промышленный кризис, кризис породил безработицу, безработица — забастовку, известное соотношение сил в забастовке было нарушено ею же (буржуазией), и... в результате десятки человек лишились жизни.

И, если бы все это так и окончилось — открыто, просто и понятно... было бы еще не так возмутительно. Но нет же, вся эта подлость и безобразие, вся эта "помойная яма" прикрывалась чем-то, что, безусловно, должно быть чистым и непорочным. (Мы здесь имеем в виду правосудие). Увы! — не помои от этого стали чистыми и прозрачными, а покрывало стало грязным и отвратительным.

Некоторые великие гуманисты, в том числе и гордость русской нации — В. Короленко, громко протестовали против бессудия; и их протесты вполне понятны. Но если чувства гуманности, чувства своего, человеческого, превосходящего над животностью, не позволяют молчать при виде бессудия, то тем более недозволено молчать при виде лжесудия. Убить невинного человека без суда, — несомненно, грязное дело, но в тысячу раз будет грязнее и отвратительнее — убить невинного человека судом. Если уж так называемое правосудие, действительно является выражением общей справедливости, то дух возмущения должен восставать против несправедливости, но и при этом не только при его игнорировании, но и при его осквернении. Даже в последнем случае больше, ибо между игнорированием и осквернением есть

значительная разница. В первом случае, по крайней мере, чистое (с точки зрения законников) и грязное разлучены, во втором же они вместе, а, как было замечено выше, не грязное от этого становится чистым, а чистое грязным. И в самом деле, если взглянуть на современное правосудие... не знаешь, что делать: плакать или ненавидеть, — до того жалок, до того отвратительного, над чем думали и размышляли лучшие умы человечества — от Сократа до Толстого, оно всецело низшло на поддельку сильным мира сего. По нем ходят, его месят, как комки глины, его топчут грязными сапожниками, от его имени — и им же — творят разные подлости...

Мы не намерены останавливаться здесь на всех беззакониях современного правосудия в отдельности, — их слишком много, — скажем лишь, что правосудия, в таком смысле, в каком его понимают поборники совести, теперь нет. Современное правосудие — не гуманное и даже не гражданское, а классовое правосудие. Оно защищает не человеческие, не гражданские достоинства, а интересы известного класса — буржуазии. В этом легко убедиться, следя за судебной хроникой. Но понимая современное правосудие, как классовое, следует также иметь в виду то, что и караемые им преступления (в смысле социально-политическом), тоже должны иметь классовый характер. Это логически неизбежно. А от этого зависит важная особенность. Классовая преступность и преступность вообще, в сущности громадно различны. Если, например, анархиста, Луиза Миллер берет хлеб в богатой булочной и раздает его голодным, то с классовой точки зрения, она — несомненный преступник; с точки же зрения человеческого гуманизма, она — несомненный гуманист. С классовой точки зрения, она должна повестись (и пошел) жесточайшее наказание; с точки же зрения гуманизма, она должна удостоиться величайшей награды. Так следует понимать и от-

нести классовую преступность от преступности вообще.

Буржуазия, конечно, старается слить их вместе; она никогда не наказывает анархистов, как классовых преступников; она всегда включает их в вину преступности вообще. Да оно и так, если бы буржуазия наказывала анархистов, как классовых преступников, то она очень скоро восстановила бы против себя общественное мнение. Кто, например, стал бы обфигать, хотя бы своим пассивным отношением к убийству человека за то, что он взял хлеб у богатого и отдал его голодному? Совсем иное дело, если этот же самый человек убивается за нарушение порядка, за воровство... воров ведь никто не любит. Буржуазия все это прекрасно понимает, и она очень старательно обосновывает казни анархистов на общей преступности

и прикрывает общим правосудием.

Так она проделала и с т. т. Парсоном, Шинсом, Фишером, Энгелем и Лингом. Убила она этих товарищей, руководясь исключительно классовыми побуждениями, но в то же время прикрывала все это обще-правовыми мотивами. Следствия, судебные процессы — все честь-честью. Казнь... тоже... Умыты, мол, руки. Но...

"Есть грозный судия, он ждет,

Он недоступен звону злата"...

Придет этот грозный судия и воздаст всем по заслугам. Скоро ли он придет, — никто не знает. Но он придет, он неизбежен, — об этом свидетельствует история.

Трепещите же безумцы!

Честь и слава Чикагским Мученикам, павшим в открытом бою за великое и честное дело!

ПИСЬМА О ПЕРЕЖИТОМ.

Волин.

Письмо пятое.

"Право." — Культура. — Специальное положение труда. Первый вывод.

Целею сказанного об экономическом и политическом состоянии России, едва ли стоит сказать о правовом, культурном и социальном — трудовом полоскении ее населения. Было бы и следовало бы, — остановившись на сущности "права" вообще, на классовой правде, на праве старом и новом, — плыть вперед, затем, как полное крушение прежних правовых элементов в стране. Быть может, было бы интересно было бы набросать яркими мазками полтора-два миллиона народа. Быть может, было бы многолюдно охарактеризовать нынешнюю массу, их небывалую базу трудового порабощения. Но, поскольку та-

кая задача неизбежно потребовала бы от нас более точного выяснения понятий "права", "культуры" и т. д., — она сильно затянула бы нашу работу и увлекла бы нас далеко за пределы непосредственной темы; что же касается фактов — немалое количество их уже приводилось, приводится и еще будет приводиться всеми пишущими о России.

Нам надо спешить. Мы должны скорее подойти к тем вопросам и выводам, которые составляют главный предмет настоящих писем. Мы ограничимся, следовательно, на этот раз краткой формулировкой основных положений.

1) Как в экономическом и политическом, так и в правовом отношении нынешняя Россия — на-чисто выгоревшее место, ожидающее новой постройки. Камня на камне не осталось, ко-

"ВОЛНА"

нечно, от прежних до-революционных "правовых устоев." Но нет ни малейшего намека на какое либо новое правотворчество. В результате — самая идея права совершенно заглохла, стерлась в психике масс, будучи заменена "принципами" насилия, ловкости, обмана и предательства, возведенных в перл создания. Ни какого "права" в России сейчас нет. Есть "правовая пустота", которую предстоит заполнить каким то совершенно новым содержанием.

2) Всеуничтожающее крушение, в процессе русской революции, всех "культурных ценностей и достижений" более или менее известно. Не хватило бы ни слов, ни красок, чтобы полностью изобразить разрушение всего прежнего "культурного" обихода — как в сфере науки, техники, искусства и т.п., так и просто в области житейско — бытовой.

Определились ли на месте разрушенных, какие либо новые культурные начала? Самый вопрос представляется сейчас неуместным. Можно ли говорить о наличии культурного творчества в стране, где всякая духовная жизнь убита; где отсутствуют элементарнейшие условия человеческого существования; где, — за исключением некоторых привилегированных слоев городского населения, — в буквальном смысле голые и голодные люди рыщут по голой и голодной земле?..

Все прежние основы "культуры" уничтожены в России до тла. На новые культурные пути нет, пока, ни малейшего намека. Надо быть на месте, надо физически ощутить это всестороннее возвращение к первобытству, что бы убедиться в его возможности.

3) Что сказать, наконец, о социальном положении труда в России?

Прежде всего, там нет самого "труда" в современном смысле этого слова. То понятие о "вольно — наемном" труде, которое имело до революции, и имеется еще в других странах, — в России, по существу, изжито. Оно убито революцией. (Здесь кстати вспомнить еще раз, что в России нет, собственно, сейчас и "пролетариата" в обычном значении этого термина).

Но нет в стране и нового, истинно — человеческого свободного труда. Что же есть? На месте разрушенных социально — трудовых устоев водворилось самое подлинное рабство, государственное крепостничество времен древнего Перу, — самая страшная кабала человеческого масса, такую только можно себе предста-

вить. Ни о каком "социальном положении" труда в современном смысле в нынешней России не может быть речи. Страшный, беспощадный и дикий хозяин — хищник — государство, — вооруженный бичем надсмотрщика бывших перских плантаций, — хлещет своих подданных рабов, которые стонут под этим ужасным игом и не могут, пока, свергнуть его. При этом крестьянин — не более свободен, чем рабочий; ибо его труд теперь, это — государственная барщина. А произвол и насилие, чинимые над ним нынешними властителями, оставляют далеко позади феодальное средневековое с его "золотой господина" и "правом первой ночи".

То, что имеется сейчас в России, это — даже не крепостной, даже не рабский труд: это — применение тюремных каторжных работ в "государственном" масштабе. И такое явление понятно. Ибо само Государство доведено здесь до своего логического апофеоза — до полной, законченной, совершеннейшей тюрьмы.

Как известно, за последнее время — жестокая бесплодность такого "социального строя" вынуждает правительство допускать некоторое сдвигание этой чудовищной системы частично — предпринимательским началом и, следовательно, элементом "вольно — наемного" труда. При этом, в теории — историческое название "рабского государства" и роль "социалистического божого государства" и роль "социалистического правительства" состоит в том, чтобы, — пока социализм еще не осуществлен, — сдерживать напор и размах частного капитала, обеспечивать преобладание за государством и, наконец, поддерживать именно рабочих в их борьбе за свои интересы. (Все это построение, вместе взятое, и называется "новой экономической политикой," — новой по отношению к персона-

"ВОЛНА"

льному чисто — "социалистическому" и чисто — государственному правительственному делу. На деле — оказывается, конечно, вздор попытка примирить непримиримое, прямо — берет верх. В данном случае, экономическая бессильная и неоправдавшая себя Государство принуждено отступать перед частным капиталом. "Экономическая политика" пасует перед "политической экономией". Государству здесь не до защиты рабочих; оно мечется, то стараясь "взять свое" в политической области, то — порывами — снова обрушиваясь на еще большие уступки. Последний, нося не устойчивый и чисто — спекулянтский характер, стремится всеми правдами и неправдами к быстрой, хищнической наживе. Забывший, забытый и голодный трудовой люд — сам не в силах организованно отстаивать свои интересы. Люди думают каждый о себе и "устраиваются" каждый по своему, всячески приспособляясь к окружающей среде и рассчитывая как можно "выкарабкаться"... При таких условиях, существующие частные сделки труда с капиталом происходят "семейно", на совершенно примитивных началах. Нелепый и беспомощный перед лицом реальностей лепет "закона" обходится, не применяется, остается мертвой буквой. Эксплуатация — беспорядочная и дикая — принимает в имеющихся частных предпринимателях фантастический характер. (См. на этот счет любопытные данные в самой советской печати). О действительной охране рабочих интересов, о более или менее нормальном "социальном положении труда" в частно — предпринимательской сфере — смешно говорить.

Таким образом, и в области социального положения труда русская революция разрушила все существовавшие ныне "устои," уничтожила все имевшиеся на этот счет современные представления, не выдвинув на их место никаких. Невозможная в природе пустота временно заменилась государственной организацией принудительных работ, как попало одобренной эль-

ментом наемного труда на началах самой бесшабашной эксплуатации. То и другое кое — как поддерживают тление жизни в общественном целом. По существу же, это целое ждет каких то совершенно новых форм человеческого сотрудничества, которые сможет принести с собою лишь грядущее социальное созидание.

Наша первая задача закончена. Мы обрисовали в основных чертах экономическое, политическое и т. д. положение нынешней России. Мы можем пойти теперь дальше. Можем прежде всего, отчетливо и целостно формулировать наш первый общий вывод относительно характера и сущности русской революции.

Этот вывод гласит:

Русская революция была, в первую очередь, гигантским — всеобъемлющим, всесторонним и законченным — разрушительным процессом.

Вихрь разрушения не оставил в покое ни одного уголка, ни одного камня, ни одного существа. Тысячелетние устои, основы и формы общественной жизни, привычные схемы и понятия — экономические, политические, правовые, культурно — бытовые, социально — трудовые — сметены на чисто. Весь, начавший — казалось — окостеневать общественный уклад, которым человечество живет со времени возникновения власти, собственности и государства, рухнул в России. Целая эпоха цивилизации ликвидирована. Целый мир представлений, отношений и фактов отжил. Все былое и все нынешнее, чторосло на основной ткани процесса человеческой эволюции, уничтожено колоссальным, издавна подготовлявшимся взрывом.

Русская революция физически осуществила моральный крах старого общества, намечавшийся давно. Опустошение, произведенное ею, исчерпывающее: экономика, политика, право, культура, труд, этика, религия, пол, семья, личность — все превращено в беспорядочную груду дымившихся развалин.

Полное, всеуничтожающее разрушение. Таков, прежде всего, смысл русской революции.

perature.

Впрочем, какая же литература могла бы поведать нам о всех тех бесчисленных, рассеянных по городам и весям, явлениях, которые остаются навсегда безвестными, но которые особенно показательны — именно в своей множественности и будничности?..

(Мое прощальное письмо большевикам.)

письмо большевикам.)

бешеный враг свободной человеческой личности, свободного соглашения и творчества трудящихся.

Прежде чем прийти к какому либо заключению, я долго колебался, но в конце концов остановился на этом, — я теперь настоящий враг, смертельный враг большевикам и его инквизиции. Заявляю вам это прямо в глаза.

Не стыжусь сознаться, что смотрю на так называемую рабоче-престыжанскую власть с сентиментализмом и глупо нянчился с мыслью, что "большевики, все таки еще революционеры" и что они исполняют "историческую необходимость" и т. д. Я сильно ошибся. Мне стало ясно,

что большевики истинные и последовательные марксисты, опутавшие народ бюрократизмом, абсолютизмом, империализмом и инквизицией. Качества марксиста чистой воды — обман, провочество, жестокость и насилие. Искренне и правду в

глаза вам заявляют, что считаю вас, большевиков — марксистов, свирепыми врагами рабочего класса, с которым вы никогда ничего общего не имели и не имеете, разве только то, что его угнетаете, обманываете, эксплуатируете и сталинизируете лживым и штыком «правильного» пути, т. е. пути, ведущего к завоеванию свобод.

Вы должны знать, что анархическую Россию колеблющимся анархизмом лишь отчасти противником большевизма, и что я уеду из России, если удастся когда либо у-

...самым ярым, сознательным и яр-
ким врагом его; уеду из комиссародержавия с
переплетенным проклятием на устах.

Вы, господа, не любите прямую. Вы ведь трюмгласно клеветаете на адвокатов. Так я вам скажу истинную правду — вы фанатики власти, садисты, обманщики, провокаторы, клеветники и насильники. Вы неформальные больные и жалкие люди, жалкие по форме и содержанию — государства. Будь проклят ваш садизм и ваша диктатура! "Диктатура пролетариата" — это гибель свободы пролетариата! Дюж вам садистскую демократию! Я хочу социальную демократию, через социальную революцию, а не через диктатуру партии чиновников, жандармов власти и правительства.

Вот доказательство вашего иезуитизма, вашего цинизма, мести и жажды крови: например, ваше недоверие против социал-предателей Германов, которые выдали намечам Италии и Польши революционеров и анархистов. Смешно и глупо это с вашей стороны, когда вы в то же время требуете у польской аристократии и буржуазии, у помещиков польского пролетариата, революционера Нестора Махно. Разве вы уже не требовали его и его товарищей, русских и украинских революционеров, у бояр Румынии, у помещиков румынского пролетариата?

Какой позор требовал выдачи Нестора Ма-
на, как бедствия, когда вы прекрасно знаете,
что он революционер, сын крепостного мужика
из Гуляй Поля, что он протатарий, просидев-
ший 10 лет на царской каторге за участие в
революции 1905 г., что он вдохновитель и вождь
такого прекрасного повстанческого движения укра-
инских труженников, движения социального анти-
феодального, которое неоднократно спаса-
ло великую русскую революцию и к которому
неоднократно обращались за помощью.
Анархо-маховщина — это...

...самозащита крестьян и рабочих против на-
силия, угнетения, грабежа и порабощения
произволу государства.

П Н А “

В Сибири вы довели анархиста Рогова до того, что он застрелился. И это после того, как роговцы панесли последний и окончательный удар белогвардейщине Колчака. Теперь вы хотите хладнокровно резать революционера Махно, который очистил Украину от контр-революционных банд Деникина и австрийцев, от так называемых “самостийников“ и других и нанес решительный удар врагелевской белой армии.

Согласитесь, что вы слишком далеко за-
шли в цинизме, лжи и предательстве и слишком
увлеклись властью, и что вы такие же социал-
предатели, как и германские.

Видно, что вам, господа большевики, очень нужна голова Нестора Махно, чтобы избавиться от страха и утолить жажду крови жрецов красного бога. Вам не довольно всей той крови анархистов и революционеров, уже расстрелянных вами. Вы хотите еще и еще. Что ж! Идите дальше по этому пути! И для вас народ найдет веревку, фонарь, кирпич или топор.

Марксизм доказал на опыте и в России, и в других странах, чего он стоит и что можно от него ожидать в будущем. Ваша единственная заслуга это ваше громадное фиаско. Хорошие намерения останутся хорошими намерениями, но даже хороших намерений у вас не было. Ваши грубые опыты над народом (в которых жизнь совершенно не нуждается) есть нечеловеческое издевательство над трудящимися — оно окончится для вас ужасной трагедией, которую я всем сердцем, всю душою и разумом приветствую.

Подлые убийцы! Вы зарезали такого милого товарища, анархиста революционера, как Лев Черный (Турчанинов) и вы расстреляли сотни других борцов за великое дело свободы, справедливости, равенства и любви. Зарезайте, расстреляйте и меня и еще тысячи других анархистов, томящихся у вас в тюрьмах. Продолжайте, подобно всем другим правительствам, истязать, подобно всем другим правительствам, истязать делегатов, приезжающих на съезд, как в Харькове в 1920 г.; продолжайте везде ликидировать революционное движение; продолжайте

Жду, когда ваши красивые жандармы вы-
дадут меня в руки жандармов пана Пилсудс-
кого. Еще один путь открыт для вас — это к

Кровь анархистов, кровь крестьян, рабочих и матросов душит горло, заливает ваши глаза и скоро вы потону-

Гибель тиранам всех стран!
Да здравствует Социальная Революция!
Да здравствует анархия!!!
Москва. Бутырки. 1—7—1922 г.

„ВОЛНА“

КТО ВИНОВАТ?

Ефрем Полонский.
(Окончание)

У жизни свои периоды, паузы, эпохи, эры, циклы завершаются циклы, когда подсчитываются итоги и подводятся итоги. Тогда—уплата по векселям, представление счетов—индивидуально и en gros. Тогда все хитрости—мудрости выбиваются из строя, все закусное выступает на поверхность, все подложное выходит наружу, вскрываются все раны, язвы, все недуги, болезни. Тут-то и есть это самое распутье, переверток. Горе людям коль этот предел, коль час суда наступит. Стриво метит жизнь тогда, пытается сорвать на современном поколении своей столетний гнев, ост-рынку дать за грехи отцов, за все проказы прошлого, биллого и поучительное наставление для грядущего. И чем многочисленней грехи отцов, чем черней преступленья предков, чем мрачней дела отшедших, прошлых поколений, тем безжалостней возмездье. Многим заплатали дети вших дней за плазость ушедших. То было с Риком Перовым, Калинин, То было с Францией Дюпретом, Ангуанетт; то было с Россией—Александром Николаевичем. Тогда не Сенюки, Руссо, Толстые стоят у наковальни, а Разин, Karl Moor и Пугачевы. Тогда не моралью дышат сердца а духом разрушенья и не перья жизни ход диктуют, а топор, коса, дубина... Вина за кровь, страдания, саеза, вина за разрушенья, катаклизмы, взмороженья падает на главы тех селеных и городовых, которые в диком иступлении пляшут прих золотым тельцом и падают ниц перед казном.

Весь ревалюция—дича страстей, инстинктов, акт природы, а не созанья ума, интеллекта, мудр-

сти, наук. Ведь стремление к воле, простору, жизни и свету—не прививка; ведь его колыбель—не лаборатория; ведь она не плод математических действий или продукт химических спекулятивных экспериментов. Отсюда и близорукость лирицистов всех родов; отсюда и партийная слепота былых и современных якобинцев. Отсюда и та, всем им свойственная психология, что "лучше пустыни, чем народы бунтарей". Правда, велики заслуги всех теоретиков, ученых. Но ведь не естествоведы создатели всего того, чем мир кишит и полон; ведь не геолог виновник землетрясений, извержений; так же как астроном не зачинщик лунных и солнечных затмений. Не даром, видно, анархисты духа, "первобытно сти", натура—Толстой, Бакунин и др. были столь непримиримыми врагами привилегированных жрецов науки, научной касты, сословия интеллектуального духовенства и иерархии мудрецов. И на задорные утверждения: "мы—соль земли! мы—сердце космоса! Мы—те киты, на которых свет стоит и та точка опоры, которую Архимед искал, чтобы мир привести в движение—"действительность, жизнь и опыт учат нас иному: не они, а "vox populi-vox dei"! (Голос народа—голос Бога).

Все те, кто при виде беспрерывных страданий русского народа, при виде моря слез и крови в утешение распытые к губам его подносят или проповедь нагорную, евангелие смирения и терпения; да, все эти павшие ангелы—вчерашние деспоты и сегодняшние моралисты; все те, которые с ужасом читают последние

Казимир Теслер,
итальянской анархичес-
Нова" (Новое Челове-

Корреспондент
"Юманита" Казимир Теслер,
итальянской анархичес-
Нова" (Новое Челове-

страницы из русской жизни, пусть решатся перелистывать и предыдущие: он молча на плечах свой крест носил, не смея стряхнуть его с себя; он без ропота спину гнул, не решаясь восставать; он смиренно покорился, строптиво подчинился, фатально шел своей дорогой, отирая слезы дырявым, вшивым армяком, душа в себе протесты, искореняя семя возмущения. Раб традиции, предрассудков, насажденных духовными и светскими жрецами, душил он в себе порывы к жизни новой, гасил мечты о новом мире, убивал в зародыше все стремления к новому житию—бытию. Зачумленный дьявольской моралью, боялся он кокон разорвать, расправив крылья, растянувшись вволю, грудью полностью вздохнуть, народом стать. Дорого пришлось платить за эту слабость. Много лет пошло на смарку, много сил потрачено напрасно, много жизни ушло в пустую. Он долго даже попытки боялся к новому стремиться и пугливо гнал из головы, как крамольников, все мысли и мечты и крепко цеплялся руками за гнилые корни старой жизни. Да! Верно! проклятий не жалел он и щедро ими награждал судьбу, но молот взять и мир иной, иную жизнь создать—этого не смел он. Так тянулись дни и годы, так уходил за часом час, он пугливо озирался и строптиво ждал чудес. Молча терпеливо служил он богу суеверий, носил на его алтарь и кровь и силы, свои мечты и думы, желанья и порывы, надежды и тоску. Нищий! Что боялся он терять? Чего лишиться, с чем растаться? Что оставить, покинуть, бросить? Лохмотья, цепи, нужду и нищету? Лазарни, бурлак, вшивый ни, голодный — что пугало его вдали? Что ему вселяло в душу страх, боязнь? Что так долго сдерживало гнев и злобу русских мужиков—только полных, горя сытых, жизненность? Тут дух ли кротости, смиренности и терпения? Тут дело не в провале или удаче христианства (вопрос этот индивидуальный и каждый решает его позитивно или негативно по своему) как и деловитости, а центр тяжести в том, что у жизни частности, а центр тяжести в том, что у жизни свой язык и своя логика, что она, видно подобно

русскому мужичку, задним умом крепка; да, дело в том, что жизнь выше всех теорий и всякой морали, по той простой причине, что она—синтез, океан, куда стекаются все ручьи и реки и не безумно ли одну ручку за жизнь принять и сделать ее главой угла. Жизнь пестра и многоцветна, как степь на юге, как краски радуги и крылья мотыльков. И не даром живем мы в эпоху аварий и фиаско всякого абсолютизма—идеального и материалистического, не даром, видно, пора ему свое "ныне отпущаешь" признать. И народ русский прошел символическим путем Бакунина: от Гегеля с его теорией разности существующего (в том числе и царского—самодержавного режима Николая I — Палана) до всеобъемлющего духа разрушения. От тургеневских Хоррей и Калинычей, толстовских Герасимов и Акимов — до лета 1917. Путь хоть и короткий, да пройден много.

И наше время полно чудес и знамений. Оно — кульминационный пункт варварства, слепоты и сарказма, и апогея мерзостей, лицемерия и лжи, — прикрываемых часто пурпурными тонами и мантиями идеализма, гуманизма. Все это стало столь наглядным, очевидным, что, право, нет надобности гадальщином быть, политиком историком, ученым, чтобы угадать и постыть весь смысл совершающегося и перспективы правды. Или мне спуститься на дно морское, чтобы как смарагды, жемчуг и рубины — факты искать. Они — как звезды на небе и песок на берегу морском. Убийства, подлость, Каппан и Иуданам всех родов, бандитизм и фашизм всех оттенков и мастей, разрослись по земле дурным цветочком. Это — последние войны, дурные цветы. А сама война "сытая" результатом имеют ныне. А сама война "сытая" результатом чего была она?.. Но тут-то мешают привычки и следствия. Немного логики в мышлении и независимости в анализе и станет ясно, что война была не чем иным, как консеквентной, следствием, хотя одновременно новой привычкой и источником новым; да, новое семя для новых плодов. Последняя ступень, синтез всего того, что происходит в недрах современности — вот

она была война. Русская, немецкая и венгерская революции — это конвульсии и судороги, симптомы грядущего, предвестники начала конца—Memento mori. Ну и что ж? Прошла война? Закрылись раны? Циркулирует кровь нормально? Здоров больной? Слепой, наивный или фанатик могут нынче сомневаться.

История уж больно склонна к повторениям, а именно: разве пуританская революция времен Брунзеля не праздновала свое более совершенное воскресение в лице французской, санкилотской? А революция русская — не была ли она нескончаемым преддурьем и, кто знает, быть может миниатюрной грядущей. Но дипломаты наших дней подобны легендарному Сизифу; па

стыри народов — это те же данаиды, беспрерывно черпающие воду в бочку с дном дырявым. Что им до того, что их дела — лагуны на берегу морском, паутина у входной двери, узоры на снегу! Что им до того, что они — та же белка в колесе, котенок в нитках! Да, что им до того, что весь старый, ветхий дом трещит со всех сторон и стонет и держится на куриных ножках! Своей моралью допотопной зменной хитростью, наружным величием и блеском внешним, неуважением, политикой Маккиавели и христианством Торквемадо думают они чудеса творить. Но жизнь наглядно показала, что наступает время, когда бессильны все препоны и рогатки, как бессильна тьма ночи помешать восходу солнца...

Б е р л и н .

СОЦИАЛИЗМ, АНАРХИЗМ И РУСС. РЕВОЛЮЦИЯ

Г. Максимов.

1. Постановка вопроса.

Спор между социализмом и анархизмом со времени Прудона до русской революции велся исключительно в теоретической плоскости. Как та, так и другая из спорящих сторон могли исходить только лишь из предположений, из предугадывания возможных последствий от осуществления в жизни той или другой социальной теории: ни одна из сторон не могла подкрепить доводы своей критики реальными фактами.

Хотя Парижская Коммуна была явлением практического осуществления экономического равенства и полной свободы, но эта попытка была чрезвычайно недостаточной и кроме того в Парижской Коммуне не имели преобладающего значения ни Марксисты, ни Бакунисты, никто из них не мог прямолинейно идти по пути полной и бескомпромиссного осуществления своих идеалов; но помимо всего, самое главное — Парижская Коммуна территориально была ограничена одним городом и не совершила глубоких изменений в области экономических и политиче-

ских отношений между людьми. В силу этого Коммуна служила аргументом для доказательства правоты своих идей, как для Марксистов, так и для Анархистов.

Совершенно иначе обстояло дело с недавно закончившейся русской революцией. Именно, здесь мы имеем полную и всестороннюю попытку проведения в жизнь государственного социализма авторитарными методами на протяжении громаднейшей страны, занимающей одну шестую часть суши земного шара и насчитывающей около 170 миллионов населения, при чем строительство продолжалось не 72 дня, а почти пять лет.

Следовательно, здесь мы можем искать практическое разрешение давнишнего спора между социализмом и анархизмом. Русская революция практически разрешила этот старый жестокий спор. Еще пять лет тому назад, вслед за октябрьской революцией, мы писали в "Голосе Труда": (*) что наконец, наступил момент практического разрешения спора между государстве-

никами и безгосударственниками. Мы там указывали, что теперь государственные социалисты имеют в своем распоряжении государство и власть, т. е. для них открыт путь строительства новой жизни на основе их идей. Мы готовы были терпеливо ждать разрешения спорного вопроса, конечно, не сложа руки; мы уверенно говорили тогда, что жизнь этот спор разрешит в пользу Анархизма. Теперь пришло время подвести итоги и сказать как этот спор разрешен, оправдалась ли наша уверенность... Вопрос стоит так: кто банкрот — Социализм или Анархизм?

II. Марксисты ли большевики и отличны ли их методы от методов "Научного Социализма"?

Однако, прежде чем приступить к анализу и разрешению поставленного вопроса необходимо отвести попытки некоторых социалистов отмежевать "научный социализм" от большевизма-коммунизма, как не-социалистов или "плохих" социалистов.

Господа вроде К. Каутского не желают признать себя в зеркале российской социалистической действительности и умышленно наивно считают себя гораздо более красивыми и изящными джентельменами чем фигуры вышедшие из фотографического аппарата русской революции.

Большевики не-социалисты... Кто же они, Милостивые Государи? Чем можете доказать свое утверждение? Криком, истерикой, проклятием?.. Это не доказательства. Доказать это утверждение вы безусловно не можете, не только потому что это трудно, но и потому что это невозможно. Попробуйте доказать, что вода не мокра, а земля не земля; здесь бессилена даже ваш диалектический метод. Так обстоит с вашим утверждением, преследующим понятные нам цели: спасти репутацию социализма в глазах

*) "Голос Труда" — орган "Петроградского союза Анархо-Синдикалистской пропаганды". См. мою статью "Старый спор решается" — в одном из вечерних номеров за октябрь—ноябрь 1918 г.

широких масс.

Кто посмеет утверждать, что большевики не были равноправными членами социалистического интернационала? Кто утверждал до октябрьской революции, что большевики не социал-демократы и не марксисты? Разве их программа не была обычной программой социал-демократов? Кто посмеет видеть в крайнем интернационализме и антимилитаризме большевиков что не социалистичность? Ведь общезвестно, что "научный социализм" теоретически интернационалистичен и антимилитаристичен, а теория к чемунибудь обязывает. Правда здесь может идти вопрос о степени. Но кто установил эту степень для государственного социализма? Сместо говорить, что большевики в этих вопросах превзошли всякую меру и что интернационализм и антимилитаризм типа Каутского, Чернова, Мартова настоящий, а типа Ленина — ложный, антисоциалистический. Во всяком случае с этой стороны большевизм, как партия "научного социализма", совершенно неуязвим, выкинуть его из рядов государственного социализма или наложить печать "плохого социализма" нельзя. И если это делается со стороны королевских и кайзеровских социалистов вроде г. г. Шейдеманов, Вандервельде, Брантингов и др., то это абсолютно не заслуживает никакого внимания, эти упреки и обвинения королевских министров можно спокойно игнорировать. Нам возражают: "большевики социалисты, никто этого не отрицает, но не "научные социалисты", не чистые марксисты в общепринятом понятии. Они утописты"...

Посмотрим, так ли это на самом деле. Мы не будем утверждать себя опровержением и сошлемся на вышедшую книгу "настоящего" социал-демократа из лагеря К. Каутского и Мартова — Д. Далина: "После войны и революции" и представим сделать это ему.

Большевики "плохие" социалисты, ибо они приступили к социальной работе и осуществлению социализма тогда для этого не было нужных предпосылок, они утописты и проделали путь "от науки к утопии". Состоятельно ли это

утверждение с точки зрения европейской социал-демократической литературы?

Нет, ибо, отвечает Далин; "она (европейская социалистическая литература—Г. М.) считала, — и это* было аксиомой для социалистического движения Германии, Франции и Англии перед войной—что все условия социализма налицо: экономическое развитие уже создало все предпосылки для социалистического хозяйства, остается лишь приступить к его осуществлению**

Нам могут возражать, что, это мол, не относится к экономическим и культурно отсталой России. Совершенно верно, приведенная цитата не имеет как будто прямого отношения к России. Но разве мы не знаем, что общепризнанный теоретик марксизма К. Каутский перед войной определенно утверждал, что объективные предпосылки для социальной ликвидации и осуществления социализма имеются? Знаем. Разве мы не знаем, что тот же Каутский утверждал, что неудачная война повлечет за собой революцию, а последняя ведет к социализму? Ведь мы еще помним, а большевики тем более, следуя слову Каутского: "во время войны... Многие парламентарии повинили социалистические партии, а последние пошли по пути раскола и часть их утратила мощь правительств и буржуазных партий, но после войны дело будет совершенно иначе... Центр тяжести вновь переносится во внутреннюю политику... Объединение рабочих масс для общей борьбы никогда не было таким энергичным, каким оно будет в переходный период... Этот период будет не только переходным от военного к мирному хозяйству, но может быть—и от капитализма к социализму.*** Так думал Каутский и все ортодоксальные марксисты, так думали и так сделали большевики. Они рассуждали примерно так: "Если Европа созрела для социализма, как говорят наши теоретики, если война неизбежно должна толкнуть на этот путь побежденные народы

*Возле курса Далина.

*Д. Далин, "После войны и революции", 1922, стр. 176.

**Так же, стр. 183; курсив Далина.

(ктонибудь должен быть побитым), то революция в России приблизит этот момент, ибо не может быть, что-бы Европа, в том состоянии в котором ее рисует Каутский, не взорвалась от социальной ликвидации в России, а вслед за революционным взрывом Европы Россия механически уступает свое место другим народам, и, приобщившись к социалистическому Западу, она тем самым найдет силы для преодоления затруднений социалистического строительства, лежащих в экономической и культурной отсталости. "Разсуждения вполне правильные, с точки зрения европейской социал-демократической литературы. В данном случае большевики поступили как "хорошие", а не "плохие", социалисты. Но если действительность опровергла глубоко мысленные выводы соц-демократии и опрокинула парламентскую арифметику Энгельса, то—зачем же в этом винить только большевиков, когда в этом повинен весь международный госуд. социализм, его мысль, методы и практика. Большевики виноваты только в том, что они марксисты, что они исповедывали и исповедуют правду, которая оказалась ложью—государственный социализм.

С "научным социализмом", вообще, творится что-то странное, но далеко не непонятное: идет развал, печать которого заметна на большом К. Каутском и на маленьком Д. Далине. Наше ухо в течение долгих лет, привыкло слышать, что только марксизм научен, только он—"научный социализм", только он преодолел путь "от утопии к науке"; только одному ему свойственен "холодный, трезвый разум" и ни кому, как только ему, органически не свойственно "революционное нетерпение", ибо он твердо усвоил истину, что когда оно (революционное нетерпение—Г. М.) заменяет собой холодный и трезвый анализ социализм проделывает обратный путь: от науки к утопии.* И мы знаем, что "научность" социализма—заслуга К. Маркса и Ф.

*Так же стр. 176.

Энгельса; каждый так-же знает, что "коммунистический манифест" катехизис "научного социализма". "Коммунистическим манифестом" положена основа "научности" социализма, от него именно и ведет свое летоисчисление этот вид социализма. Всякий кто усумнился-бы в "научности" был-бы еретиком и никто из социалистов, конечно, не осмелился-бы сказать, что в "коммунистическом манифесте" кроме науки имеется и утопия. Однако теперь, "после войны и революции", особенно русской революции, нам говорят, что "в этом отношении (т.е. продельвании обратного пути от науки к утопии. Г. М.) прешны все, в том числе и творцы научного социализма". ** В данном случае нас не интересует вопиющее со всеми прежними утверждениями с—д-тов противоречие, —творцы научного социализма, (который, по нашему мнению, никогда даже наукой то не пах), уже в первом основном своем труде оказываются не научными, утопистами, —нас интересует другое. Именно, нас интересует доказательство, что большевики были и есть "научные социалисты", как сам К. Маркс с Ф. Энгельсом, как вся международная социал-демократия с Каутским.

Итак, с рассмотренной точки зрения социализм большевиков вне подозрения, большевизм нельзя оторвать от международного марксизма. Большевизм поступил так, как требовала международная марксистская литература; социалисты обвиняя, с рассмотренной точки зрения большевиков, обвиняют себя и выдают с тогоной государственной социализм.

Теперь перейдем к вопросу с другой стороны. В "коммунистическом манифесте" К.Маркс и Ф. Энгельс утверждали, что капитализм изжил себя и что пришла пора социалистической революции, что "буржуазия неспособна больше оставаться господствующим классом общества", "она неспособна управлять", "обеспечить своим рабам даже рабское существование" и т. д.

* Там же стр. 176.

Они тогда уже смотрели на Германию, как на страну где "буржуазная революция может послужить лишь непосредственным вступлением к пролетарской революции".

Это же, как мы видим, говорила после марксовская и энгельсовская европейская социалистическая литература, это же говорили и говорили большевики. Вся их вина, как указание выше, перед международным социал-демократизмом в том, что они не ограничили разговорами и приступили к действию. В своих действиях они не переставали быть социалистами и марксистами, они не забыли положительных требований "коммунистического манифеста", наоборот, сделали все, что-бы их осуществить: "отмена права наследования", "централизация кредита в руках государства при помощи монополю государственного банка", "развал трудодовая повинность для всех", "создание промышленности армии" и т. д.; все это они с энергией, достойной лучшего приложения, проводили в жизнь. Разве это не "научного социализма" программа? Разве раньше что либо отрицалось в коммунистическом манифесте? социал-демократы? Об этом пока никто громко не заявлял; спрашивается, почему же теперь говорящие словами "манифеста", и сам толмач Маркса—Каутский, не хотят признавать социалистами большевиков, действующих по "манифесту", растолкованному, разъясненному К. Каутским и принятому, оставляя в то-же время неизменными основы марксизма. Истину не трудно угадать. Наши "научные социалисты" лезут бояться, как огня, а потому Каутский отвечает: они террористы. А разве Маркс был бы иным? Нет, честно признается Д. Далин. —Если первая германская революция не закончилась так скоро контр-революцией; если-бы реформы произведенные ею, оказались глубже, а народное движение сильнее, если-бы "крайняя левая" пришла к власти и вынесла вверх Маркса, как своего вождя—он попытался-бы осуществить социализм в Германии и проделал-бы весь боль

шевский опыт с начала до конца, с неизбежным террором, с изгнанием буржуазии, с войной против крестьянства, с экономической катастрофой и с неизбежным затем поражением. *** Далин, конечно, в этом не видит трагедии "научного социализма" его внутренних противоречий, он не думает, что "научный социализм", всегда, везде и при всякой обстановке неизбежно будет сопровождаться, именно, этими последствиями, он все это объясняет утопичностью, переоценкой объективных условий, недооценкой приваля в банкротстве и реакционной сущности государственного социализма. "Научные" учение К. Маркса и Энгельса с одной стороны, большевиков и социалистической литературы перед и во время войны с другой для него, в свете опыта русской действительности, только утопия, но не банкротство. Чем бы эта утопия, только бы не плакала. Пусть себе невинно тешится.

Итак с этой стороны большевики являются безусловными сторонниками "научного социализма".

Теперь попробуем испытать социалистичность большевиков в самом основном пункте государственного социализма, т. е. марксизма—в вопросе диктатуры пролетариата. Может быть здесь они проявили себя "плохими" марксистами и социалистами.

Основа государственного социализма—диктатура пролетариата. До русской Революции (до прихода большевиков) диктатуру пролетариата не отрицал ни один социал-демократ и ни один социал-демократических рядах не было разногласий в понимании и толковании этого понятия. Требование диктатуры пролетариата в свое время привело к борьбе Бакунина с Марксом, к расколу первого интернационала, к поражению Маркса. Но спустя несколько лет марксизм восстановил и диктатуру пролетариата став догматом для социал-демократов. Что-же понимали под диктатурой пролетариата? "В тот

* Там же, стр. 177-178.

день писал Лафарг в 1888 г. в русском органе "Социал-демократ", когда пролетариат Европы и Америки овладеет государством, он должен будет организовать революционную власть и диктаторски управлять обществом, пока буржуазия не исчезнет, как класс". Сказано довольно ясно, недвусмысленно и в полном соответствии с духом марксизма, ибо Лафарг формулировал мысль, с точки зрения "научного социализма", правильно. Позже Каутский правильно понимал понимание удостоверяет авторитетом Маркса и Энгельса и своим собственным знанием марксизма: "Маркс и Энгельс, говорит он, выковали понятие диктатуры пролетариата, которую Энгельс в 1891 г. незадолго до своей смерти, упорно отстаивал,—понятие о политической форме, в которой он может осуществлять государственную власть". Так писал Каутский, —марксист, молодой, владевший марксистской логикой, Каутский, еще ненапуганный войнами, революциями и банкротством марксизма; теперь Каутский пишет совсем не то. Теперь для него ясно: "характерным видом диктатуры, как правительственной формой, является личная диктатура", и что "классовая диктатура в качестве правительственной формы—без смысла".* На смерть перепуганный Каутский так растерялся, что забыв снять марксистские ризы и колпак жреца, стал изрекать истины вроде той, что "Демократия со всеобщим избирательным правом есть метод, при помощи которого классовая борьба из кулачной превратится в борьбу мыслей, где может победить только тот класс, который интеллектуально и морально перерос своего противника. (Какое падение, какая глупость!!!) Демократия есть единственный метод, при помощи которого могут быть выработаны высшие формы жизни, для культурного человека воплощаемые социализмом".** Эти цитаты показывают, что теперешний Каутский не имеет никакого права отнимать от боль

* Каутский "Терроризм и Коммунизм"; Берлин, издан. с. 38.
* Тоже-же стр. 225.

"ВОЛНА"

шевиков этикетку "научных социалистов" "марксистов", тем более, что последние безупречны в понимании диктатуры пролетариата в истинно-марксистском духе, они, слепо следуя Марксу во всем, и здесь повторяют его: "Диктатура пролетариата" — есть пролетариат, возведенный на степень господства. Подобным пониманием диктатуры проникнута вся партийная литература большевиков.***

Изложенное говорит, что Каутский неправ в своих нападках на большевиков и не имеет права выделять новый, особый вид марксизма — "марксизм большевиков", оно же вскрывает не справедливость его нападок на коммунистов, осуществляющих "диктатуру пролетариата", "политическое единовластие пролетариата".

Итак, мы должны признать, что большевики не только социалисты, но и марксисты и что утописты лишь постольку, поскольку вообще утопичен государственный социализм. Мы должны признать, что их никак нельзя разве только с очень большой натяжкой, исключить из рядов социализма, что они в русской революции пытались осуществить идеалы государственного коммунизма, идеалы общие всем без исключения государственным социалистам и притом методами "научного социализма". Мы должны признать, факты вынуждают к этому, что большевики оставались выдержанными марксистами в продолжении всего социального опыта, исключая только краткий период перед и немного после октябрьской революции и то по соображениям тактического характера. Следовательно, за все совершенное большевизмом хорошее и плохое — несет ответственность не только он один, но и весь международный государственный социализм. Все ужасы, которые имели место в России, совершены не большевизмом, как таковым, а совершенны не большевизмом. И если теперь государственным социализмом, то многие хотят отделаться от большевизма, только потому, что-бы снять в глазах рабочих масс ответственность с государственного социализма, что-бы скрыть его банкротство, реакционную сущность и прирожденный терроризм. На этот путь толкает их животный страх за

жизнь, грубый эгоизм, боязнь неминуемой гибели; это с безстыдной обнаженностью выразил К. Каутский: "Большевиком победы в России, но социализм потерпел там поражение". Никакая всемирная Революция, никакая мощь извне не могут устраним паралича большевистских методов.

"Задача европейского социализма по отношению к "коммунизму" — совершенно иная: заботиться о том, что-бы моральная катастрофа одного, определенного метода социализма не стала катастрофой социализма вообще; что-бы была проведена резкая отличительная грань между этим и марксистским методом и чтобы массовое сознание восприняло это различие. Та радикальная социалистическая пресса понимает очень плохо интересы социальной революции, которая полагает, что служит им, внушая массам мысль об идентичности большевизма и социализма и поддерживая в них веру, что теперешняя форма советской республики — только потому, что она совершает извращение под флагом всевластия рабочих и социализма — действительно осуществляет социализм".**

Эту болтовню об идентичности и грубую демагогию о немарксистичности большевистских методов с одной стороны опровергает все изложенное выше, а с другой болтливость, которая привела Каутского к множеству глупостей и противоречий, даже с марксистской точки зрения, которыми столь чудовищно богата его книга "Терроризм и Коммунизм": возможно ли, что "марксизм большевиков" на 162 стр. о том, что "марксизм большевиков не выдержал испытание", на 203 стр. говорит, что "марксизм большевиков не выдержал испытание"? Ясно, что Каутский и К.о. умышленно, по личному желанию, отрицаются от большевизма, клепают их коммунизм "азиатским социализмом", "татарским", не замечая, что социализм вообще по своей сути везде: в Америке, Европе, Африке и Австралии, а не только в России — "азиатский".

Итак, как видно из вышесказанного, задача социалистов всех мастей и оттенков сводится к тому, что бы затуманить, скрыть от пролетариата (как будто это возможно) грандиозное банкротство государственного социализма; отсюда вытекает анафема большевиков, звериная ненависть против них, которая, между прочим, сводится по мере отступничества последних от революции, наклеивание на них ярлыка "азиатского" и "татарского социализма", что не мешает, конечно, когда нужно, "европейскому социализму" действовать против рабочих по "азиатски". Сейчас все делается, что бы отмежеванием от большевиков показать пролетариату необходимость догматов социализма, что-бы все свалить на "неидентичных" большевиков. Но увы! все напрасно. Дураков на свете становится все меньше и меньше и "научные" нападки Каутских все слабее гипнотизируют массы, которые начинают прозревать и в ужасе парадать от ужасной вещи — государственного социализма. "В последние годы, в особенности из-за влияния событий в России, социалистическая мысль начала сомневаться в спасительности самой формы о государственном хозяйстве. Страх перед бюрократизацией общественной жизни, перед превращением не только политической, но и экономической жизни в концессию и казарму, в которых все будет делаться по приказам свыше, создал прямо какое то паническое бегство государственного социализма. Такой страх уже сейчас внушает английским

"Таме Россия" №959, 7-2-1922 г.; статья С. И. Р. "Татарский социализм", (Поворот в программе И.Л.Р.) Бурев мой Г. М.

ПРАВДА О МУЖИКЕ-АНАРХИСТЕ МАХНО И АНАРХО-МАХНОВЩИНА.

В прошлом 1921 г. правительство Р.С.Ф.С.Р. потребовало от румынских властей выдачи известного революционера Нестора Махно, мотируя это требование "бандитизмом" и "престу

плениями", совершенными Н. Махно в России. Последовал резкий обмен пог. Дипломатическая пощечина, нанесенная, при этом, министром боярской Румынии русским министрам

"ВОЛНА"

рабочим практическое осуществление государственного социализма и его зоологическая природа. И если Каутский говоря, что "Русский коммунизм стал воистину социализмом казармы" (***) думает подчеркиванием "Русский", отвлечь внимание просыпающего пролетариата от казенной сущности социализма, то этот старый проповедник казармы жестоко ошибается. В "России пролетариат видит не крах "русского коммунизма", а банкротство социализма вообще. Задача Анархистов помочь пролетариату рассмотреть картину крушения.

Теперь, когда мы доказали, что большевизм неотделим от социализма, что его нельзя оторвать от марксизма, что его нельзя рассматривать отдельно, вне связи с "научным социализмом", что в России мы имеем крушение не "одного, определенного метода социализма", не только моральный провал этого метода, но банкрот практического осуществления марксизма, т-е государственного социализма и что причины этого провала лежат не столько вне государственного социализма, сколько в нем самом, мы переходим к рассмотрению грандиозной, неповторяемой картины катастрофы государственного коммунизма и морального торжества идей безгосударственности, Анархии. Мы попытаемся очень кратко, схематично вскрыть природу государственного социализма, его психологию, логику, механику и внутренние противоречия.

** К. Каутский, "Терроризм и Коммунизм" стр. 203.

*** Ленин "Государство и Революция"

"ВОЛНА"

Раковскому и Чечерину, не остановила большевистские власти от желания судить и расстрелять честного борца за свободу, честного революционера и одного из самых выдающихся повстанцев и партизан Рус. Рев. Такое же требование выдачи Н. Махно и его товарищей было в 1922 году предъявлено коммунистической властью польскому правительству.

Я польский революционер анархист, участвовавший в анархическом движении Италии с 1916 г. В 1920 г. приехал в Сов. Россию для изучения революции. В дни соглашения махновцев с большевиками в октябре 1920 г. я отправился в Гуляй Поле для ознакомления с махновщиной на месте. Туда прибыл в первых числах ноября 1920 г., по виду предательского нападения Соввласти на махновцев отступил и разделил походную жизнь повстанцев до 14 янв. 1921 г., работая в их походном лазарете. Тогда был арестован большевиками, которые 18 мес. держали меня в тюрьме, в Москве, и др. городах, неоднократно угрожали расстрелять меня, как махновца и в то же время настойчиво предлагали мне поступить к ним в партию или в Че—ка. Наконец благодаря стараниям итальянских анархистов, Соввласть изгнала меня из пределов России.

Считаю своим первым долгом высказать протест против гонений большевистскими властями, как анархистов, так и революционеров вообще, которые томятся в большевистских тюрьмах, лагерях и ссылке и, которых преследуют по всей территории России, как диких зверей. Я чувствую, что обязан защитить личность Махно, столь подло оклеветанную большевиками, и выразить свое мнение об анархо-махновщине.

Я лично знаком с Нестором Махно и участвовал в этом движении. Я сопровождал революционную повстанческую армию махновцев в тот важный период, который указан советским правительством к польскому. Это было после разгрома в его ноте к польскому. Это было после разгрома враждебной белой армии и после наступления красных дивизий на Гуляй Поле—центр повста

нчества.

Высказать в немногих строках свое мнение о махновщине нетрудно. Движение махновцев столь велико и широко, что его можно сказать, говоря о нем вкратце. Оно требует серьезной, обширной работы и большого, глубокого знания всех анархистов, революционеров и историков. Я все же хочу принести ту долю истины об этом движении, которую мне посчастливилось узнать, находясь в его рядах.

КАК ЗАРОДИЛАСЬ АНАРХО-МАХОВЩИНА.

Русский народ освободился от оков царизма, от помещичьего и капиталистического гнета. Не успел он еще сделать ни одного свободного шага, как на него набросились со всех сторон, своры нагнецов, банды маньяков, сумасшедших и садистов: партийные фанатики, всех толков и цветов, в бешеной погоне за властью, за партийной гегемонией над только-что востановленным русским народом. Все эти господа, прибрывшись разными флагами, пуская самые революционные фразы, приняв участие в гражданской войне яло бы во имя свободы и блага русского народа, во имя равенства, братства и т. д.—одновременно бросили всем противникам в лицо прозвище "бандита". Все партии против всех партий за свою диктатуру, за гегемонию собственной партии, за монополию власти над русскими и украинскими рабочими и крестьянами. Все партии с оружием в руках, всеми силами и средствами стремились связать, заковать рабочий класс в кандалы. Все партии стремились насильственно подчинить себе крестьян и рабочих, стремились принудить всех принять их "программы" самые разноречивые и противоречивые свободе и революции. Все партии стремились окружить провокацией революционные порывы масс и ввести массовое движение в рамки партийной дисциплины и центральной власти. Все они обещали "свободу", а на деле стремились только к полному подчинению масс. Одни из них выступали во имя демократии, другие—во имя социализма, третьи во имя коммунизма и диктатуры, чет-

"ВОЛНА"

ные во имя самостоятельности, пятые во имя революции, шестые во имя объединения всех партий у одного корня и т. д. Все они кричали об освобождении угнетенных от угнетателей. Но на самом деле все они бросаются на народ и насильственно угнетают его—грабят, мобилизуют, расстреливают крестьян и рабочих, жгут их дома. У всех их на языке громкое слово: "анархо-революция!". Партийные вожди кричат друг другу: "Предатель, бандит! изменник революции!". Эти господа организовались в партии, обманули часть рабочих и крестьян, взяли их обманом и насилием в свою авантюру. Они дрались между собой за счет крестьян и рабочих. Несчастный крестьянин стал жертвой разбойников, оленгархов и бюрократов. В своре лопцов, разбойников, который оказался самым жестоким и беспощадным, засел на царском троне и начал ликвидацию всех своих противников и всех завоеваний революции во имя диктатуры пролетариата и коммунизма.

В то время, когда все эти партии дрались за приращение властвования над русским и над другими народами,—народ был вынужден организовать самозащиту против всех своих врагов. Эта самозащита и взаимозащита крестьян и рабочих вылилась в форму революционного повстанчества и партизанщины и в Великороссии, а в Сиббири и на Украине.

Украинский народ свободолюбив. Он не забыл своих традиций и встал против государственщины, которые хотели его сызнова заковать в старые цепи. Народ вообще не навидит всякой рабщины. Его цель и стремление—свободная жизнь. Истинный самосохранения, желание утвердить завоевания революции, жажда свободы, жажда естественной повели крестьянство на борьбу за безвластие.

Так зародилась махновщина.

Махновщина зародилась почти одновременно во всех областях Украины. Когда Махно, совместно со своими друзьями, сделал свой первый шаг на австрийцев—уже в Дибровском лесу

оперировал Шусь, а в других областях крестьяне оказывали вооруженное сопротивление войскам Скоропадского и Петлюры.

Махновщина есть самозащита и взаимозащита крестьян и рабочих против нападения и насилия над народом, откуда бы они ни исходили.

Не Махно создал махновщину, именно махновщина и условия в которых она развилась, создали Махно.

Так сложилось на Украине анархо-махновское движение крестьян и рабочих. Оно одно из самых крупных народных движений во время Бел. Рус. Рев. Махновцы—борцы за свободу.

НЕСТОР МАХНО И МАХОВЩИНА

Махно—русский революционер, герой, народный оратор, один из самых выдающихся стратегов партизанской войны, по убеждениям анархист. Махно—не бандит, а честный борец за свободу трудящихся.

Легендарная личность Нестора Махно овладела величайшими симпатиями крестьян и рабочих. Авторитет этого человека, который так прекрасно понимает психологию труженика колоссален. Именно потому только большевикам нужна смерть Махно. Только этим можно объяснить себе ненасытное желание большевиков расстрелять этого славного мужика—революционера. Большевистские клеветы на анархо-махновцев тоже не имеют другой причины.

Отмечу здесь одну сторону, которую считаю очень важной: это отсутствие в махновщине антисемитизма. Говорит ложь тот, кто рассказывает басни о махновских погромах. В махновщине принимали участие многие евреи—революционеры. Уже этот факт много говорит против легенд об антисемитизме махновцев. Если условия жизни мне позволят, я постараюсь дать полную характеристику этого грандиозного движения и самого Нестора Махно, указывая по возможности полно светлые и темные стороны махновщины. Мы должны, конечно, знать все стороны этого движения и извлечь из него надлежащие уроки.

Махновское движение одно из самых круп-

"ВОЛНА"

ных, ярких и чистых восстаний трудящихся с оттенком и духом анархистическим—движение народное, антигосударственное, социальное, проникнутое идеей безвластия. Такое движение может судить только история, а не какая-либо искусственная юридическая инстанция. Анархо-махновщина неотделима от Вел. Рус. Рев., и как Вел. Рус. Рев. никогда и никем не может быть посажена на скамью подсудимых, так и махновщина—ея вольное детище—не может быть подсудимым. Единственный, истинный, Великий, Всемирный Революционный Трибунал, это история: она будет судить Вел. Рус. Рев. и, вместе с ней, движение украинских и русских крестьян и рабочих—анархо-махновщину.

Сама жизнь, борьба за существование, жажда свободы и условия, в которых крестьяне и рабочие выносили гражданскую войну заставили их прибегнуть к пушкам, заставили этих труженников и борцов защитить свою свободу динамитом. Они были правы! Правда и сила махновских пушек состояла в том, что из них стреляли сознательные повстанцы, стреляли при этом, лучше чем рабы, одетые в шинели и принудительно мобилизованные.

Господа белогвардейцы и красные комиссары хотели бы, чтобы крестьяне и рабочие России и Украины принимали их с цветами в руках, тогда, когда они приходили грабить и опустошать села, насиловать их волю и их женщин. Крестьяне и рабочие принимали насильников и воров с ручными гранатами и бомбами и они были правы!

Кто говорит, что махновцы грабили крестьян и жгли деревни?—Большевики! Все знают, что именно большевики грабили крестьян и, что по приказу Троцкого, большевистские солдаты жгли дома и целые деревни. Анархо-махновцы не грабили крестьян,—они же сами крестьяне. Они получали от крестьян—согласения все, в чем нуждались от крестьян—их братьев. Они экспроприировали только помещиков и кулаков. Махновцы боролись честно; они защищались от расстрелов и от окончательного разорения разверткой и другими невяно

симыми повинностями. Махновцы не подчинялись принуждению, а стремились к свободному соглашению городов и деревень. Махновцы хотели безвластных, свободных советов, а не какого-то абстракта, центра, государства. Большевики всеми силами хотели сбить крестьян и рабочих с их правильных взглядов на жизнь и на ее устройство, хотели оторвать и оторвали деревню от города. Махновцы стремились к свободному объединению крестьян с рабочими. Большевики раз'единяя, централизовали; махновцы, об'единяя, стремились к конфедерации деревень и городов. Большевики делали кровавые опыты насилия над народом; махновцы хотели жить и работать свободно в пользу всех и сотрудничать непосредственно с рабочими заводов, также и фабрик. Большевистская диктатура, больш. абсолютизм, формализм и бюрократизм и насилие комиссаров вынудили крестьян и рабочих защищаться. Не крестьяне и рабочие напали на большевиков, а эти последние напали на крестьян и рабочих.

Большевистская победа над трудящимися есть большевистская гибель! Разгром махновцев большевиками есть именно победа махновцев. Махновщина победила морально, что бы большевики ни говорили. Трудящиеся ненавидят большевизм и диктатуру большевиков, которые с носком в руке пропандируют свободу, равенство и братство... Махновщина для трудящихся—святыня, надежда; в ней они видят и чувствуют победу и свободу.

Анархо-махновская армия револ. повстанцев Украины имеет великие и неоспоримые заслуги. Она не только перед трудящимися всей России, но и перед человечеством, прогрессом и культурой.

Большевики стремились всеми силами уничтожить анархо-махновское движение. Это им не удалось. Большевики, верные своим принципам, думали нанести смертельный удар этому движению клеветой и провокацией. Напрасно. Бухарин на первом съезде красного Профите рва тлал, как настоящий подлец. Но истина уже изболела его.

Большевики стремились всеми силами стол

кнуть это прекрасное народное движение в одну багину. Повстанчество героически запылало против этих подлых большевистских попыток. Несмотря на все клеветы советской власти, оно вечно останется в памяти и в сердцах трудящихся России. Оно своей кровью и своим революционным героизмом написало свою историю. Кровавые расправы над народом и над анархо-махновцами только углубили в массах идею безвластия и веру в победу свободы над реакцией и над абсолютизмом.

Махновщина сделала то, что могла. Она не сделала того, что хотела сделать, потому что ей не давали свободно развиваться и вступать на путь широкого социального строительства и творчества. Одно из выдающихся творений анархо-махновщины это повстанческая армия с 1918 по 1922 г. вела героическую партизанскую войну под черным флагом против всех врагов революции.

Анархо-махновцы числились и числятся десятками тысяч и им сочувствуют миллионы трудящихся, их скелеты еще лежат на стенах. Их вражеские мотыли безчисленны.

Анархо-махновцы неоднократно спасали Вел. Рус. Рев. и русский народ от царских генера

лов, и этим оказали гигантскую услугу всему человечеству. И выдачи этих-то борцов против царизма, против деспотов и тиранов, против комиссародержавия и бешеного абсолютизма большевиков,—выдачи этих-

"ВОЛНА"

то борцов за свободу и за социальную революцию проклятое садистское правительство, именующее себя "рабочим и крестьянским", требует от буржуазного, капиталистического, империалистического и реакционного *par exel lence* польского правительства!

Позор! Позор! Позор!!!

Но господа большевики позора не знают. В них чувства стыда, справедливости и уважения к человеку никогда не было. Власть отравила их окончательно.

Большевикам двери будущего на всегда закрыты. Они в тунике. Но у них еще нагайка и маузер в руках, и лишь ими они еще держатся. Кричать им позор—почти нелепо; но молчать—еще хуже. В русском народе душа кипит от негодования против всех насильников, обманщиков и партийных паразитов.

Но в котлах "напманов", красных жандармов, чекистов, комиссаров и совбуров—он не в силах пока, защититься против зверской реакции красных палачей. Инквизиция красных жрецов жаждет крови. Ей нужна голова Неостора Махно, чтобы успокоить страх и утолить жажду крови поклонников красного бога...

Но махновщина не сказала еще последнего слова.

Пусть русский народ отдохнет—он иззву большевистскую стряхнет.

Казимир Валериян Теслар

Берлин. 18—9—1922.

АНАРХИЗМ И РУССКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ.

Петр Михайлов.
Статья первая.

Коммунистическая тирания и революционное движение. Прежде чем сказать что либо о работе анархистов во время революции, о их идейных, организационных методах и вообще о русской действительности, необходимо раньше коснуться тех условий при которых анархистам России, при-

ходило вести работу.

Анархистам, преследовавшимся с начала революции и гонимым по сей день, приходилось всегда лавировать между грубым насилием наносимым новыми правителями и царившей все вре

"ВОЛНА"

ми в стране реакцией. Анархическим организациям, громившимся периодически, на протяжении всей революции, приходилось всегда снова собирать свои разрозненные силы и вновь организовываться после каждого разгрома. Большевики, используя анархистов, как боевую идею, захватили анархические лозунги, посредством которых им необходимо было во время революции заручиться доверием масс; укрепились на царском троне и начали сверху вниз проводить свою партийную программу. Стали диктовать народу, как надо строить новую жизнь на государственно — коммунистических началах. Анархистов же и их организации им необходимо было уничтожить, т. к. в это время анархисты уже пользовались большой симпатией масс и могли разоблачить деяния партии, — истинные цели большевиков — перед народом. Не смотря на все гонения и преследования правящей партии, анархисты России все так вели свою революционную работу. По мере сил русским анархистам не только удалось уничтожить превратное представление об анархизме и об анархистах, как бандитах с бомбой в руках, но вместе с тем, они пользовались симпатией масс и им удалось широко распространить идею анархизма среди русского населения.

Самая горячая, боевая — революционная работа, была проведена анархистами в момент наивысшего подъема среди трудового населения России, в период февральской революции и до 1919 года. В течение этого времени, в Петрограде и Москве, а также и во многих городах провинции, издавалась масса газет, брошюр, книг, которые в большом количестве расходились среди местных рабочих и рассылались в различные уголки провинций. Устраиваемые анархистами митинги, лекции, собеседования, по различным вопросам и на различные слушатели, всегда были переполнены анархизмом и в нем только видели единственный путь к новой, свободной жизни. Часто на собе-

седованиях они соглашались с доводами анархистов, и сами говорили, что "нам самим, сообщая строить жизнь на свободных началах такту" какую мы сами найдем нужной, а не ту, какую приносят нам господа политики различных мастей". Лозунг анархистов "Свобода не дается, а берется", был радужно встречен массами и нашел живой отклик в их среде. Но беда в том, что не все рабочие так думали. Многие были одурочены обещаниями различных политических партий и ждали когда те преподнесут им довольство и свободу изготовленные в лабораториях партийных комитетов.

Лживые обещания большевиков сделали свое разрушительное дело. Методом обещаний им удалось не только одурочить много страдавшее русское население, но также и повлиять этим на дальнейший исход русской революции. Обманув народ, большевики приостановили движение русской революции вперед, к абсолютной свободе. Выдвигая на первый план свои партийные интересы и отбрасывая на задний, интересы доверившегося им народа, они этим убили революцию, а также уничтожили веру в народе в осуществление народных интересов через них, как через политическую партию.

На предательскую политику большевиков, их узурпаторские приемы и обирательскую тактику по отношению рабочих и крестьян, последние отвечали частыми восстаниями, то и дело вспыхивавшими в различных частях России, на почве недовольства непосильными налогами коммунистического правительства. Эти недовольства, возникавшие главным образом на почве голода и недовольства ком. режимом, носившие часто лишь экономический характер, представляли всегда коммунистической властью к ряду контр-революционных выступлений, стремились, якобы, подорвать интересы общего рабочего дела и погубить революцию. И всегда подавляли их солдатами, в большинстве же курьезными, содержащими правительство специально для этих целей. Курсанты жестоко расправлялись с врагами коммунистического правительства, осмелившимися протестовать против

их начальников. Они беспощадно расстреливали не в чем неповинных крестьян, восставших "порядок" своих передовых панов истребляли крамольников крестьян, выметали крамолу, как когда то во время Ивана Грозного, делали это опричниками. Многие крестьянские восстания в Смоленской, Вологодской, Тамбовской и др. губ., а также массовое движение в большинстве своем состоявшее из крестьян, на Украине, служат бесспорным источником и не оспоримым доказательством о применении коммунистической партии к крестьянам и рабочим выше-указанных мер.

Кордавшие коммунисты, таких действий коммунист тем, что все это происходит благодаря всевозможным действиям властей на местах и что главные вожаки партии восстают против подобных действий, не имеет под собой никакого правдоподобия. Во-первых, курсанты восставшие умирять крестьян имеют постоянные свои место-жительство в Москве или Петрограде и жеста посылаются на "работы" по подполью "порядка" из центра в провинцию, а не в обратном случае. Во-вторых, после жестокого дисквалифицированного восстания, казенная печать пишет: — **Подавлено восстание "кулаков", Смоленской, или какой иной губернии.** В восставших деревнях восстановлен полный порядок. Анализируя выше-сказанное, можно сказать, что действия правительства на местах, если деяния передовых вождей коммунистической партии и лице Дзержинского и Троцкого, состоявшего куратором в провинции, и главного редактором "Известий" коммунистического правительства являются сознательными и невежественными.

В начале 1919 года, анархическая работа в России уже больше не носит того значения, какой она представляла до этого времени. Постепенно, шаг за шагом, большевики начинают сдавать свои позиции постепенно они скрывают истинных революционеров,

"ВОЛНА"

под которой к всеобщему разочарованию, вместо народных спасителей оказываются государственники — централисты, стремившиеся лишь захватить власть в свои руки. Достижения октябрьской революции постепенно начинают сходиться на нет. Белые и желтые наемники нового правительства, — чекисты, подавляют силой оружия всякое движение вперед. Стремление к прогрессу становится невозможным, правительство наказует и преследует не только за действия противные ему, но даже мысль каждого человека, стала в это время как бы замурованной. Свобода слова, свобода печати, и свобода открытой мысли, были запрещены правительством. Анархисты были лишены возможности равной борьбы с угнетателями. Как гонимым, им приходилось бороться безоружным против вооруженных с ног до головы привилегированных палачей революции.

Но не смотря на царившую реакцию и тиранию правящей партии, анархическая работа последних трех лет велась и ведется по своему времени. Конечно нельзя говорить о широкой анархической работе, которая была в это время невозможна, но сказать, что работа не велась, или, что не было возможности вести вообще какую бы то не было работу, будет не верным.

Тысячи фактов подсказывают нам о движении среди рабочих и крестьян, желавших освободиться от ига коммунистического правительства, и нашедших в освободительной борьбе за лучшее будущее от рук новых помещиков, новых собственников — коммерсантов. Анархисты, искренние революционеры, всегда были вместе с рабочими, всегда защищали угнетенных перед угнетателями.

Как во время Крошадтского восстания анархисты были в среде матросов, защищая совместно интересы восставших, так и в период массового крестьянско-рабочего движения на Украине, они были передовыми бойцами и идейными вдохновителями этого движения. Многие анархические организации и группы, организовавшие боевые отряды на помощь этому движению,

С большим трудом удавалось товарищам различных местностей, пробраться в самый центр этого движения. Большевики увидя в этом движении, силу противную всякой власти, какой бы она не была, как властители, считали также силу этого движения вредной и для себя. Поэтому они старались мешать этому движению и всячески его дискредитировать. Организованным и анархическим отрядам приходилось нелегально пробираться в районы повстанческого движения, и по дороге туда часто быть арестованными "комчейкой".

Не смотря на угрожавшую опасность со стороны белых генералов, с которыми боролись повстанцы, большевики все таки преследовали повстанцев; предпочитая видной скорей уступить свой трон белым, нежели пасть от рук революционных повстанцев и быть свергнутыми восставшим народом...

Очень явственно характеризуют себя большевики своими действиями в 1920-м году, в момент заключения договора, между повстанческими войсками Украины и советской властью. После того, как повстанческие войска разбивают наступающих на Украину белых, коммунистическая власть перестает больше нуждаться в заключенном договоре и делает шаг по направлению раскассирования повстанческих отрядов. Анархисты по условиям договора имевшие право вести легально работу, не только лишаются этой привилегии, но даже расстреливаются или арестовываются и направляются в подвалы Чека. Все украинские анархические организации и клубы беспощадно громятся Чекой. Большевики предательски нападая на анархистов и повстанцев, имели видной своей конечной целью, сместь лица земли все благие начинания своих врагов — анти-государственников и этим кровавым способом пробить себе путь к могуществу своей партийной системы, к своему конечному идеалу — торжества власти и капитала!!

(Продолжение следует)

В период многочисленных гражданских войн, украинский рабочий и крестьянин, повстанав на себе непосильное бремя различных воев и перепробовав с одинаковой силой давлений на него, разных претов и красок правителей, понял, что каждый из этих многочисленных молодых не взирает на то будет ли он одет в раскрашенные казацкие штаны, с золотыми погонами на плечах, или в модные комиссарские галифе, с большой красной звездой на груди, как в том, так и в другом случае, кроме вреда он ничего ему не принесет. Какая бы партия не захватывала власть на Украине, будь то белые, или красные, все равно ни одна из них не пользовалась симпатией у крестьян. Как белым, так и красным, приходилось объявлять принудительную мобилизацию среди крестьян, вымать силой продовольственные налоги, и этим вызывать вполне естественную вражду, теущую трения, какие могут быть между порабителем и порабощенным. Иначе смотрели крестьяне лишь на Махновскую Повстанческую Армию. Масса крестьян вступало в ряды повстанческой армии. Сами подвозили продовольствие для нужд этой армии, чувствуя, что делая это они защищают лишь свои собственные интересы, а не гибнут во имя какого то царя, или революционного правительства.

Дух истинной свободы царил на Украине. Стремление к свободе и полной автономии, еще живо в голове каждого крестьянина и рабочего.

Пробьет час, когда трудящиеся России, увидят громоздочно о своем желании освободиться. Народный гнев выльется наружу, и разобьются и красные оковы, уничтожит навсегда старый царский трон с усевшимися на нем новыми властителями. Торжество правды недалеко! Трепещите тираны!!!

ПОД ЧЕРНОЕ ЗНАМЯ.

ЧЕРНОЗНАМЕЦ.

Под Черное Знамя на бой, на великий бой идет трудящуюся массу революционный коммунистический анархизм.

На бой — с частной собственностью во имя коммунизма, с государством во имя -свободного федерализма.

На бой с принудительным правом во имя свободного договора, с умственными и наследственными привилегиями — во имя равенства.

Слабым и беззащитным был некогда человеческий род. Робко и безпомощно озирается он вокруг, где могучие силы мертвой природы так бы стоились, что бы еще резче оттенить его человека, ничтожество. Еще слабо мерцавший разум только и мог, что констатировать это бессилие. И человек, придавленный диким могуществом природы, покорился ей, признал ее власть — обоготворил ее.

Это был период архии (власти) космических сил над человеком.

Все более разрастался человеческий род, разрывались узкие рамки... Все более становился необходимым покорить эти стихийные силы.

И, под влиянием инстинкта самосохранения человек все более освобождался из под власти стихии. Это бы долгий, мучительный, богатый поражениями путь, много сил поглотила борьба, но она увенчалась победой человека: он покорил природу, познав ее тайны, он помещал между собою и ее свою коллективную силу, свой разум — орудия производства.

И казалось бы, что отныне человеческий разум господствует, что странника рабства и веческой культуры.

Так ли это? Нет единого Рима: есть Рим господ и Рим рабов. Нет и единого человечества, нет единой цивилизации.

Ибо уничтожение архии космических сил, сопровождалось архией социальной, господством

человека над человеком — классовым господством. И среди шума и блеска культуры, гигантского по истине титанического роста техники, бурной и тревожной работы мысли — среди всего этого блеска — грязное в пыли, измученное непосильным трудом, отупевшие человечество. Ибо вся победа над мертвой природой куплена ценою порабощения имунциями живой силы, живой материи.

И рабы, на свое несчастье, тоже часто обоготворяли своих господ, как некогда человечество — природу, с той лишь разницею, что класс господствующих сознательно во все века старался и старается привить рабочим чувство религиозного уважения к себе.

Они говорят: "на нас — отблеск божественного сияния, господство — наше "божественное право." Мы — носители разума, мы вырвали человечество из объятий варварства, озарив лучами культуры." И рабы слушались, преклонялись, все больше погружались в рабство. А когда нельзя было выносить более голода и приниженности и когда рабы бешено, неукротимо бросались на врагов, господствующие классы говорили себе: "надо их укротить привлечением в наш храм, пусть раб вообразит, что здесь и его Спаситель, и его Бог; создадим ему иллюзию единой нации, скрыв противоположность классовых интересов — громоотвод для собственности и государства."

Загудели гуманные колокола, засвистала — защелкала "свободолубивая" буржуазная мысль: оставляя пролетариат в экономическом и умственном порабощении и, спокойная за свое господство, она "дает" ему юридические "свободы," "демократические гарантии," говоря: "Отныне ты свободен. Отныне ты гражданин. У нас одна вера — Цивилизация, одна ценность — Демократия. Обнажим же меч для защиты этих общенациональных благ."

И рабы обнажали и обнажают меч в за-

питу враждебного им строя, скрепляя своими же руками тяжелую цепь.

Но черезчур сильна была нужда, чтобы борьба не возгорелась опять. И рабы встают, борются, грозя свержением кумиров.

И из этих в различные исторические периоды возникавших протестов, из этой постоянной, то возгорающейся, то на время утихающей борьбы рабочих и вырос анархизм.

Его дело: усугубить революционно — насильственный дух возстающих, действиями разрушая сказки об единой нации, руководить борьбой рабочих и безработных за их отдельные требования, расширять подобную борьбу, видя в этом расширении и усугублении ее средство

"ВОЛНА"

ДОБАВЛЕНИЕ К СТАТЬЕ.

В статье "Подлинные пути социальной революции", последней из серии статей "Большевизм, Рев. Синдикализм и Анархизм", помещенной в № 33 "Волны" за сентябрь месяц с.г., по просьбе автора должно быть вставлено, случайно им упущенное место, чего своевременно, вследствие дальности расстояния и неудобства сообщений, он не мог сделать. На странице 18-й в левой колонке, после слов: — "Говоря о другой стороне революции, которую мы назвали отрицательной, хотя и необходимой, — об армии и прочих средствах защиты, мы ограничимся немногим". — СЛЕДУЕТ ЧИТАТЬ:

"Указанные положительные задачи революции могут быть выполнены при условии, если рабочие и крестьяне одновременно проявят себя хорошими воинами революции. Ошибочно думать, что по захвате трудящимися органов производства и распределения дело будет заключать печен и что в дальнейшем дело будет заключать лишь в организации производства и потреблении на трудовых и равенственных началах. Нет, параллельно с этим, трудящимся придется вести настоящую войну с государством буржуазии, располагающим могучими и искусно приспособленными силами подавления, — армией, милицией, многочисленным чиновничеством, — а

для дальнейших, еще более грозных, наступлений — словом, фактами показать, что "нет единого Рима — есть Рим господ и Рим рабов." И между ними не должно быть ни мира, ни перемирия. Только Черное Знамя должно развеваться, суля гибель и смерть врагам трудящихся!

Черное Знамя должно развеваться, привлекая массу:

На бой с частной собственностью во имя коммунизма с государством — во имя свободного федерализма.

На бой с принудительным правом во имя свободного договора, с умышленными и наследственными привилегиями во имя равенства,

также многочисленным, способным на боевые дела, кадром буржуазного и подбуржуазного юношества.

Во время революции буржуазное государство станет военным лагерем, где каждая местность обратится в базу военных действий. В этих условиях (а иными они при социальной революции быть не могут) захватить фабрики и железные дороги и ничего не предпринять для немедленного уничтожения военной и политической силы буржуазии, значит совершить чудовищную ошибку, это значит безоружными войти в лагерь врага и расположиться там по домашнему.

Одновременно с захватом средств и орудий производства трудящиеся должны разбить все силы государства. Не захватить власть — чем толкуют социалисты и коммунисты, а именно разбить ее и все ее органы, да которые она опирается. Без этого нельзя быть сполночным ни одному минуту за прочность положения революции. Однако, это дело сложное, требующее гигантских усилий и умения.

Как бы успешны ни были первые шаги трудящихся в области захвата производства и даже в области боевых выступлений, буржуазия и ряд привилегированных групп, благодаря

"ВОЛНА"

интернациональным и интернациональным связям, будут располагать силами, которыми они смогут вести войну против революции в течении нескольких лет. В этой войне они прибегнут ко всем приемам военной стратегии, к максимуму упорству и наступлению. Что бы рабочий класс не оказался в первые же дни смертельной военной силой буржуазного государства, он с первых дней своего общего выступ-

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

анархизмам и революционным синдикалистам.

Уже дважды нам — русским анархистам, изданным советской властью из России — пришлось предупреждать европейских и американских товарищей о том, что эта власть, в целях разложения международного синдикалистского и анархического движения, раз за разом инкарирует в Европу и Америку своих агентов, специализировавшихся на деле провоцирования и идейного разложения анархизма.

Мы указывали на Германа Сандомирского, назначенного в Италию советской властью и, вместе с Чичерным, игравшего в ней предельно роль в отношении анархизма в России и всей русской революции.

Мы указывали, далее, на Штейнера, состоявшего в анархических рядах по поручению Московской Че-ка и по ее же поручению организовавшего печатание фальшивых советских денег, чем советская власть воспользовалась, став фальсифицированное уголовное дело про то анархистов, за которое были казнены Лев Черный, Фаия Барон и другие честнейшие работники русского анархизма. Этого Штейнера и других провокаторов (Бенедикта Рыжика) советская власть командировала за границу с целью провоцировать и грязнить анархизм и анархистов.

В настоящее время прибыл за границу изместный "анархист" Иуда Гроссман — Рошин — человек больших диалектических способностей и широкой эрудиции, могущий многих ввести в заблуждение, если о нем во время не пре-

ления должен приготовиться к этой войне и взять в ней инициативу наступления в свои руки. Для этого он прибегнет к широким военным объединениям и мероприятиям, для этого он прибегнет к своей армии"...

М.-н.

После сего статья остается без изменения.
Редакционная Коллегия.

дупредить.

В России, даже среди рафинированных большевиков, не было более искусного защитника большевизма, чем он.

Его отношение к анархизму и анархистам России можно характеризовать следующей его же формулой:

— Всякий, кто не подпишется под любым декретом Ленина, есть контр — революционер.

Мы не будем здесь останавливаться на его ультра — большевистском поведении в России. Ограничимся самым необходимым, т.е. предупреждением о том, что Рошин, несомненно, имеет большое агентурно — политическое поручение большевиков на предмет разложения местного синдикалистского и анархического движения, защиты большевизма и причинения возможно большего вреда русским анархистам за границей.

Все заграничные товарищи должны принять это к сведению, дабы не получилось недоразумения, подобного недоразумению с Сандомирским, когда некоторые итальянские товарищи, по неосведомленности, предоставили этому большевистскому коммивояжеру свою газету, где он не только зашифлировал большевиков и сознательно извращал смысл русской революции, но до известной степени успел даже парализовать акты протеста, поднятый, было, итальянскими товарищами в защиту анархистов и их идей в России.

11 сентября 1922 г.

По поручению "Группы русских Анархистов в Германии" Секретарь Группы
Волин.

ОТЧЕТЫ.
(Окончание со 2-й стр.)
За литературу:

Н. Гей — н	1.50
Дет — т	2.10
А. И.	10.00
Роч — р	6.00
Ром	3.00
Бром — ль	0.50
Вел — ид	11.75
Итого	34.85

За брошюры и журнал в Германии:

Бр — т	6.00
А. И.	15.00
Роч — р	4.25
Ф — фия	3.75
Чес — р	4.00
С. Вет — м	2.50
Итого	35.50

Помощь закл. и изгнанным.

Гам — к	2.00
Ром	3.00
Вел — д	9.00
Итого	14.00

Переезд.

Н. Гей — н	25.00
Бал — р	27.00
Вел — ид	12.00
Оп — та	10.00
Ир — с Фалс	2.00
Итого	76.00

Общий приход:

За "В"	232.84
За литературу	34.85
За брош. и журн. в Герман.	35.50
Помощь закл. и изгн.	14.00
Переезд	76.00
Итого	393.19

РАСХОД:

За "В."	80.00
Печать	

Машины	30.00
Летучки	23.50
Перевоз ме-ла	1.00
Помещение	2.00
Почтовые расходы и пересылка	33.69
Итого	170.19

Помощь анар-там:

Выдано тов. П.М.	30.00
Переезд тов. из Г-ни	56.00
Итого	86.00

Разные расходы:

За хранение литературы	15.00
Перевод статьи	3.00
Пересылка брошюр	2.34
Итого	20.34

Общий расход:

За "В"	170.19
Помощь ан-там	86.00
Разных	20.34
Итого	276.53

Всего прихода	393.19
Всего расхода	276.53
Остаток	116.66
Оставалось на 1-е сентября	395.96
В кассе на 1-е ноября	508.62

ЗАЯВЛЕНИЕ РЕД. КОЛЛЕГИИ.

Выпуск № 34 журнала задержан не по воле Ред. Коллегии, задержан из за "технических" трудностей издания такового в современном обществе даже свободнейших стран, а поэтому имера журнала 34 и 35, т. е. за Октябрь и Ноябрь, месяцы выходят одним выпуском. Приложим все усилия в будущем избежать подобных явлений, дабы не лишать жаждущих истины, света и свободы того маяка, который указывает им путь к намеченной цели.

Ред. Коллегия.

